

Астрид Линдгрен

*Нет в лесу
никаких
разбойников*

Annotation

Рассказ из сборника «Нет в лесу никаких разбойников». Издательство: журнал «Семья и школа». Перевод со шведского И. Новицкой. Иллюстрации Илон Викланд.

Во всех книгах Линдгрэн — особенная атмосфера: фантазии, игры, душевная свобода и справедливость, — атмосфера, особенно желанная для детских умов и сердец.

Эта удивительная атмосфера — своего рода фирменный знак писательницы — царит и в произведениях, собранных в книге, которую вы держите в руках. Это ранние и, как правило, мало известные или не известные у нас произведения Астрид Линдгрэн, к тому же публикуемые в новых и, смеем надеяться, лучших переводах. Но это не заготовки к её будущим произведениям крупных жанров, что еще предстояло ей написать, а скорее живые бутоны её будущих книг-цветов.

- [Астрид Линдгрэн](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Астрид Линдгрен

Южный Луг

Давным-давно, в годы скудости и нищеты, жили-были двое маленьких детей: брат и сестра. И вот остались они одни-одинёшеньки на белом свете. Но дети не могут жить одни-одинёшеньки, кто-то ведь должен заботиться о них, и тогда Маттиас и Анна переехали с хутора Южный Луг на хутор Трудолюбивый Муравей, к одному крестьянину. Крестьянин этот приютил их у себя не потому, что у них были самые надёжные на свете маленькие руки, и даже не потому, что они не находили себе места от горя после смерти матери, нет, он приютил их потому, что мог извлечь из этого выгоду. Детские руки прекрасно умеют работать, если только не давать им вырезать из древесной коры кораблики и строить шалаши на склонах холма, детские руки могут доить на хуторе коров и чистить бычьи стойла, всё умеют детские руки, если только держать их подальше от всяких там корабликов, шалашей и тому подобной ерунды, которая им очень по нраву.

— Видно, не знать мне больше веселья в моей детской жизни, — сказала Анна и заплакала. Она в это время доила корову, сидя на низенькой деревянной скамеечке.

— Да, — отозвался Маттиас, — здесь, в Трудолюбивом Муравье, все дни такие серые, как мыши на скотном дворе.

В годы скудости и нищеты с едой было туго, а хозяин Трудолюбивого Муравья и не подозревал, что детей следует кормить чем-то ещё, кроме картошки в мундире, которую они макали в селёдочный рассол.

— Недолгой будет моя детская жизнь, — говорила Анна. — На одной картошке да на рассоле мне не дотянуть до зимы.

— Тебе обязательно надо дожить до зимы, — убеждал её Маттиас. — Зимой ты пойдёшь в школу, и тогда наши дни не будут больше серыми, как мыши на скотном дворе.

Пришла весна, но Маттиасу и Анне не довелось ставить на ручьях водяные колёса и пускать в канавах кораблики, они только и делали, что доили на хуторе коров, чистили бычьи стойла, ели картошку, обмакивая её в селёдочный рассол, да часто плакали втихомолку.

— Только бы дожить до зимы и пойти в школу! — мечтала Анна.

Пришло лето, но Маттиасу и Анне не довелось собирать на лужайках землянику и строить шалаши на склонах холмов, они только и делали, что доили на хуторе коров, чистили бычьи стойла, ели картошку, обмакивая её в селедочный рассол, да часто плакали втихомолку.

— Только бы дожить до зимы и пойти в школу! — вздыхала Анна.

Пришла осень, но Маттиас и Анна не бегали по хутору, не играли в сумерки в прятки, не сидели по вечерам под столом в кухне и не рассказывали друг другу шёпотом сказки, нет, они только и делали, что доили коров, чистили бычьи стойла, ели картошку, обмакивая её в селедочный рассол, да часто плакали втихомолку.

— Только бы дожить до зимы и пойти в школу! — говорила Анна.

В годы скудости и нищеты сельские ребятишки ходили в школу только зимой, всего несколько недель в году. На это время в село приезжал учитель и останавливался в одной из хат. Туда-то и сходились дети со всей округи, чтобы научиться читать и считать. Хозяин же Трудюбивого Муравья ни капельки не сомневался, что затеи глупее, чем эта школа, свет не видывал, и будь на то его воля — он оставил бы детей дома, на скотном дворе. Да вот беда — не мог он этого сделать. Ему удавалось не подпускать ребятишек к деревенским корабликам, шалашам и земляничным полянам, но не пустить их в школу ему не удалось, потому что сельский священник сказал: «Маттиас и Анна должны ходить в школу!»

И вот пришла зима, выпал снег, и сугробы на скотном дворе выросли до самых окон хлева. А в тёмном хлеву Маттиас и Анна танцевали от радости.

— Представляешь, я дожила до зимы и завтра пойду в школу! — ликовала Анна.

А Маттиас вторил ей:

— Эй вы, полевые мыши, дни на этом хуторе не будут больше серыми!

Когда вечером дети вошли в кухню, хозяин Трудлюбивого Муравья сказал им:

— Так и быть — ступайте в школу! Но упаси вас Боже опоздать к вечерней дойке.

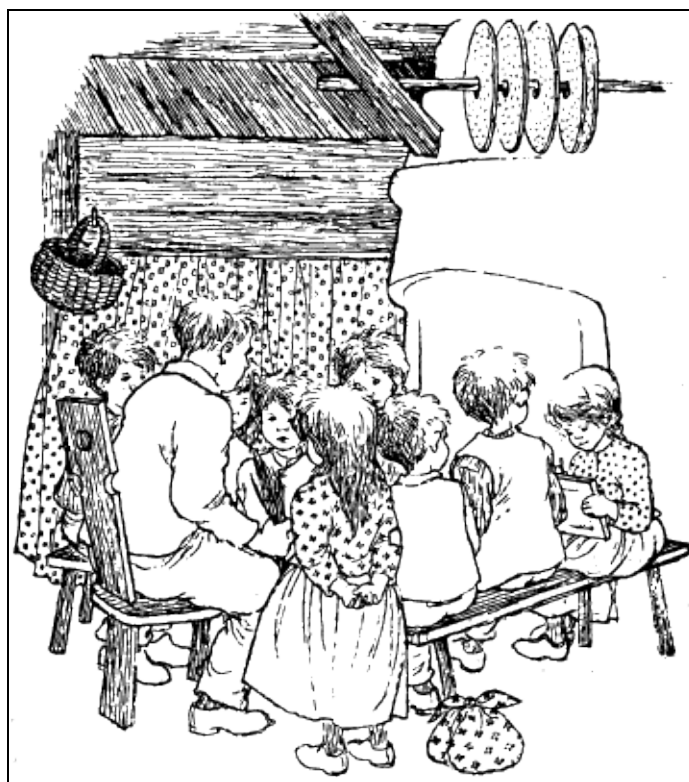
Утром Маттиас и Анна взялись за руки и отправились в школу. Дорога туда была долгая, но в те времена никого не волновало, далеко ли детям до школы или близко. Дул холодный ветер, Маттиас и Анна до того озябли, что даже ногти полопались у них на ногах, а носы густо заалели.

— Ох, и красный же у тебя нос, Маттиас! — сказала Анна. — Вот здорово! Теперь ты стал не такой серый, как полевая мышь.

Хотя, конечно же, на мышек походили они оба, Маттиас и Анна. Их лица были серыми от нищеты, они носили серую убогую одежду, даже шаль на плечах у Анны была серой, и такой же серой была старая грубошёрстная куртка, которую, износив, хозяин Трудлюбивого Муравья отдал Маттиасу. Но сейчас дети шли в школу, где, как думала Анна, не было никакой тоски и серости, где наверняка с утра до вечера бурлила самая яркая на свете радость. Поэтому они ничуть не горевали, что им приходится целый час бежать, как серым мышкам, по длинной лесной дороге и жестоко мёрзнуть на суровом морозе.

Но заниматься в школе оказалось совсем не так весело, как думали вначале Маттиас и Анна. Нет, конечно, сидеть у пылающего очага вместе с другими деревенскими ребятами и складывать по буквам слова было довольно весело, но уже на второй день учитель ударил Маттиаса розгами по пальцам за то, что он вертелся на уроке. А когда подошло время школьного завтрака, Маттиас и Анна застеснялись. Ведь они могли принести с собой лишь несколько холодных картофелин в мундире, тогда как другие ребята ели бутерброды с салом и с

сыром, а Юэль, сын торговца, притащил в школу полный узелок блинов. Увидев блины, Маттиас и Анна смотрели на них до тех пор, пока в глазах не защипало от слёз. «Эй вы, голодранцы! — окликнул детей Юэль, — Вы что — ни разу жратвы не видали?» Маттиасу и Анне стало стыдно. Они вздохнули, отвернулись от Юэля и ничего ему не ответили.

Нет, тоска и серость не исчезли из их жизни, как о том мечтали Маттиас и Анна. Но хотя они были всего лишь бедными крестьянскими детьми безо всяких там бутербродов и блинов, хотя длинная лесная дорога утопала в сугробах, а ногти сильно трескались от мороза, Маттиас и Анна неизменно ходили каждый день в школу.

И каждый день хозяин Трудолюбивого Муравья угрожающе бурчал им вслед:
— Упаси вас Боже опоздать к вечерней дойке.

Нет, Маттиас и Анна не осмеливались опаздывать к дойке коров. Они мчались по лесу к своему хутору так, как только серые полевые мышки могут бежать к своей норке. Они так боялись опоздать!

Но однажды Анна остановилась посреди дороги и крепко ухватила Маттиаса за локоть.

— Знаешь, Маттиас, — сказала она, — школа не помогла. Моя детская жизнь не стала от этого веселее. Как бы мне хотелось умереть ещё до прихода весны!

Едва она произнесла эти слова, как дети увидели красную птицу. Она сидела на снегу и казалась удивительно красной на его слепящей белизне, просто неслыханно ярко-красной. Она пела так звонко, что густые снега, покрывавшие ели, рассыпались от её пения на тысячи снежных звёзд, которые безмолвно и тихо падали на землю.

Анна протянула к птице руки и заплакала.

— Она красная, — сквозь слёзы твердила Анна. — О, какая же она красная!

Маттиас тоже заплакал и сказал:

— Она даже не знает, что на свете есть серые полевые мыши.

И тут птица взмахнула крыльями и полетела. Анна крепко ухватила Маттиаса за локоть и сказала:

— Если эта птица улетит от меня, я лягу в снег и умру.

Маттиас взял её за руку, и они побежали за птицей.

Птица мелькала среди елей ярко-красным огоньком, и там, где она пролетала, на землю безмолвно и тихо падали снежные звёзды, настолько звонко она пела в полете. Она порхала туда-сюда и улетала всё дальше и дальше от дороги, в самую чащу леса. Анна и Маттиас бежали за ней по сугробам, спотыкаясь об огромные валуны, которые прятались в снегу, а стылые ветви деревьев хлестали детей по лицу. Но те ничего не замечали. Сияющими от счастья глазами смотрели они на свой красный путеводный огонёк и неотступно следовали за ним.

И вдруг птица исчезла.

— Если я не найду её, то лягу в снег и умру, — горестно вздохнула Анна.

Маттиас принялся утешать её. Он похлопал Анну по щеке и сказал:

— По-моему, птица поёт где-то за этими горами. Слышишь?

— Но как нам перебраться через горы? — недоумевала Анна.

— Пойдём по этому ущелью, — сказал Маттиас.

Он взял Анну за руку и повёл её в глубокое тёмное ущелье. И вдруг там на снегу дети увидели блестящее красное пёрышко и поняли, что они на правильном пути.

Ущелье становилось всё уже и уже и наконец сделалось таким тесным, что только исхудавший от голода ребёнок мог по нему проползти.

— Это ущелье до того узко! А тропинка, по которой мы идём, настолько тонка! — сказал Маттиас. — Но мы с тобой — ещё тоньше!

— Да уж, хозяин Трудолюбивого Муравья позаботился о том, чтобы моё бедное тельце смогло прошмыгнуть куда угодно, — согласилась с ним Анна.

Наконец ущелье кончилось.

— Вот мы и перебрались через горы! — воскликнула Анна. — А где моя птица?

Маттиас неподвижно стоял в зимнем лесу и прислушивался.

— Она здесь, за стеной, — сказал он. — Слышишь, как она поёт?

В самом деле, перед ними стояла высокая каменная стена, а в стене — ворота. Ворота были слегка приоткрыты, словно кто-то только что вошёл в них и забыл за собой закрыть.

Зимний день выдался холодный и морозный, перед каменной стеной возвышались огромные сугробы, а из-за стены весенняя вишня протягивала детям свои ветви, усыпанные белыми цветами.

— Дома, на хуторе Южный Луг, у нас тоже росли вишни, — сказала Анна, — но даже там

они не цвели зимой.

Маттиас взял Анну за руку, и они вошли в ворота.

И тут дети увидели красную птицу, её первую увидели они за воротами. Птица сидела на берёзе, а берёза была покрыта маленькими зелёными курчавыми листочками, потому что по эту сторону каменной стены звенела светозарная весна. Сердца Маттиаса и Анны тотчас переполнились весенней отрадой. На деревьях ликующе распевали тысячи маленьких птичек, повсюду журчали весенние ручьи, куда ни глянь — полыхали яркие весенние цветы, а на лугу, зелёном, как в раю, играли дети. Да, здесь было множество детей, они играли, вырезали из древесной коры кораблики и пускали их в ручьях и канавах. Они выстругивали себе деревянные свистульки и насвистывали на них веселые мелодии, казалось даже, что это поют настоящие скворцы. Все дети были одеты в нарядные разноцветные платья и костюмчики: красные, голубые, белые. Мальчики и девочки походили на чудесные весенние цветы, блистающие яркостью красок на фоне зелёной травы.

— Они даже не знают, что на свете есть серые полевые мыши, — печально сказала Анна.

И в тот же миг заметила, что они с Маттиасом стали совсем не похожи на полевых мышей: Маттиас неожиданно оказался в ярком красном костюмчике, а она сама — в ярко-красном платье.

— За всю мою детскую жизнь со мной ни разу не случилось ничего более удивительного! — воскликнула Анна. — Но куда же мы всё-таки попали?

— Вы попали на Южный Луг, — ответили им ребята, игравшие поблизости у ручья.

— На Южный Луг? Но ведь мы жили там раньше, пока не переехали на хутор Трудолюбивый Муравей и не превратились там в серых полевых мышей. И всё-таки тот Южный Луг был не такой, как этот.

Дети рассмеялись.

— То был совсем другой Южный Луг, — сказали они.

И позвали Маттиаса и Анну играть вместе со всеми.

Маттиас вырезал из коры дерева кораблик, а Анна воткнула в него вместо паруса красное пёрышко, которое обронила в ущелье их замечательная птица.

А потом они спустили кораблик на воду, и он стремительно помчался вперёд по журчащему ручью под своим красным парусом — самый весёлый из всех самодельных

кораблей.

А ещё они построили водяное колесо, которое тут же закрутилось в ярком солнечном свете, и залезли в ручей, шлёпая голыми ногами по мягкому песчаному дну.

— Ах, до чего же мои ноги любят мягкий песок и нежную зелёную траву! — сказала Анна.

И вдруг чей-то голос позвал:

— Дети, идите скорее сюда!

Маттиас и Анна остановились как вкопанные возле своего колеса.

— Чей это голос? — спросила Анна.

— Это наша мама зовёт нас, — ответили дети.

— А-а, но ведь нас с Анной она не звала, — сказал Маттиас.

— Как не звала? — возразили дети. — Она всех звала.

— Но ведь это ваша мама, — сказала Анна.

— Наша, — ответили дети. — Но не только. Это мама всех детей.

И тогда Маттиас и Анна вместе со всеми детьми побежали через луг к маленькому домику, где их ждала Мама. Было сразу видно, что это Мама, у неё были Мамины глаза, которые ласкали взглядом каждого ребёнка, и Мамины руки, которые тянулись ко всем детям, толпившимся вокруг неё. Она испекла для них блины и свежий хлеб, сбила масло и приготовила сыр. Дети могли есть всё это сколько хотели, сидя прямо на траве.

— За всю свою детскую жизнь я не ела ничего более вкусного! — радостно воскликнула Анна.

А Маттиас вдруг побледнел и сокрушённо сказал:

— Но упаси нас Боже опоздать к вечерней дойке.

Маттиас и Анна поспешно вскочили и заторопились в обратный путь, они только сейчас

сообразили, что им давно пора быть на хуторе. Они поблагодарили Маму за еду, а Мама нежно погладила каждого из них по щеке и сказала:

— Возвращайтесь к нам поскорее!

— Возвращайтесь скорее! — повторили за ней все остальные дети.

Они проводили Маттиаса и Анну до ворот. Ворота всё ещё были приоткрыты, и по ту сторону стены, как и прежде, стояли высокие сугробы.

— Почему ворота не закрыты? — спросила Анна. — Ведь сюда может намести снега.

— Если ворота закрыть, они уже никогда больше не откроются, — объяснили дети.

— Неужели никогда? — удивился Маттиас.

— Никогда. Ни-ког-да! — сказали дети.

Красная птица всё ещё сидела на той самой берёзе с курчавыми зелёными листочками, которые пахли так здорово, как только могут пахнуть весной берёзовые листья. За воротами земля была по-прежнему покрыта толстой снежной пеленой, а в вечерних сумерках высился всё тот же лес, холодный и суровый.

Маттиас взял Анну за руку, и они выбежали за ворота. И сразу же ледяная стужа пронизала их до костей, а животы подвело от голода, словно дети не ели только что никаких блинов, словно они и не пробовали вовсе свежее испечённого хлеба.

Красная птица летела впереди, показывая им дорогу, но в хмурых зимних сумерках она не светилась больше, как красный огонёк. И одежда на детях тоже не была больше красной, она стала прежней, серой: и шаль на плечах у Анны, и старая грубошёрстная куртка Маттиаса, которую, износив, отдал ему хозяин Трудлюбивого Муравья.

Наконец они примчались на хутор и побежали на скотный двор доить коров и чистить бычьи стойла. А когда вечером они вошли в кухню, хозяин Трудлюбивого Муравья сказал:

— Это ещё хорошо, что занятия в школе не идут целую вечность.

А Маттиас и Анна забились в уголок темной кухни и долго вспоминали Южный Луг.

На скотном дворе, в грязном хуторском хлеву продолжалась серая жизнь двух маленьких полевых мышек.

Они каждый день ходили в школу, и каждый день у лесной дороги на снегу их поджидала красная птица и провожала на Южный Луг. А там они пускали кораблики, вырезали себе свистульки, строили шалаши на склонах холмов и каждый день ели, сколько душе угодно, всё, что готовила им Мать.

— Если бы не Южный Луг, я бы и гроша ломаного не дала за свою жизнь в Трудлюбивом Муравье, — говорила Анна.

А их хозяин всякий раз, когда они по вечерам приходили в кухню, твердил:

— Хорошо ещё, что занятия в школе не идут целую вечность. И наступит день, когда дети

останутся дома, на скотном дворе.

И всякий раз Маттиас и Анна переглядывались и бледнели.

И вот этот день наступил. В последний раз Маттиас и Анна должны были идти в школу, и в последний раз могли они увидеть свой Южный Луг.

— Упаси вас Боже опоздать к вечерней дойке, — в последний раз пробурчал им вслед хозяин Трудолюбивого Муравья, как бурчал каждый день, провожая их в школу.

В последний раз сидели они у горячего школьного очага и составляли из букв слова. В последний раз ели на перемене холодную картошку в мундире и даже слегка улыбнулись, когда Юэль в последний раз окликнул их: «Эй, голодранцы! Вы что — ни разу жратвы не видали?» А улыбнулись они потому, что вспомнили про Южный Луг, где вскоре их сытно накормят.

В последний раз бежали они из школы на свой хутор по длинной лесной дороге, как две серые полевые мышки. День выдался такой морозный, какой только можно себе представить. Из рта от дыхания валил густой пар, а ногти на руках и ногах полопались от нещадного холода. Анна как можно плотнее закуталась в свою серую шаль и сказала:

— Ну вот, замёрзнуть — я замёрзла, проголодаться — проголодалась, и ещё ни разу в жизни мне не было так плохо.

Стоял такой жгучий мороз, и дети так мечтали снова увидеть красную птицу, которая покажет им дорогу на Южный Луг! Птица ждала их на том же самом месте, она казалась просто неслыханно красной на ослепительно белом снегу. Увидав её, Анна засмеялась от радости.

— И всё-таки я попаду в последний раз на Южный Луг! — весело сказала она.

Короткий зимний день уже клонился к вечеру, наступали сумерки, а там недалеко и до ночи. Но птица мелькала среди елей ярко-красным огоньком и так звонко пела, что тысячи снежных звёзд медленно падали на землю в студёной лесной тиши. В лесу стоял такой леденящий холод, что даже сосны прервали свою шумливую песню, задохнувшись от мороза. Лишь звонкий голос красной птицы нарушал морозное безмолвие леса.

Птица порхала туда-сюда, а Маттиас и Анна бежали за ней по сугробам. Дорога на Южный Луг была такой долгой!

— Вот здесь и кончится моя детская жизнь, — сказала Анна. — Стужа убьёт меня, и я не успею добежать до Южного Луга.

Но птица вела детей всё вперёд и вперёд, и вот наконец они увидели перед собой столь хорошо знакомые им ворота. По эту сторону ворот лежал глубокий снег, а из-за высокой каменной стены протягивала детям свои ветви цветущая весенняя вишня. Ворота были приоткрыты.

— За всю свою детскую жизнь я никогда ещё не тосковала так по Южному Лугу! — сказала Анна.

— Но мы уже на месте, — успокоил ее Маттиас. — И тебе не надо больше тосковать, — согласилась с ним Анна.

Маттиас взял её за руку, и они шагнули за ворота. Прямо в вечную весну Южного Луга, туда, где благоухали только что распустившиеся берёзовые листочки, и тысячи птичек пели свои ликующие песни, и дети пускали кораблики в весенних ручьях, где на лугу стояла Мама и звала их: «Дети, идите скорее сюда!»

За спиной у Маттиаса и Анны простирался холодный морозный лес, а в лесной чаще притаилась тёмная зимняя ночь. Анна обернулась, выглянула за ворота в беспросветный холод и мрак и вздрогнула всем телом.

— Почему ворота не закрыты? — спросила она.

— Ах, милая Анна, — сказал Маттиас. — Ты забыла? Если ворота закрыть, они уже никогда больше не откроются!

— Нет, я прекрасно это помню, — сказала Анна. — Они никогда, никогда больше не откроются!

Маттиас и Анна посмотрели друг на друга. Долго смотрели они друг на друга, и на их лицах промелькнула лёгкая улыбка. Бросив последний взгляд на заснеженный лес, они тихо и спокойно закрыли ворота.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)